Price in NYC 50¢, outside of NYC $1

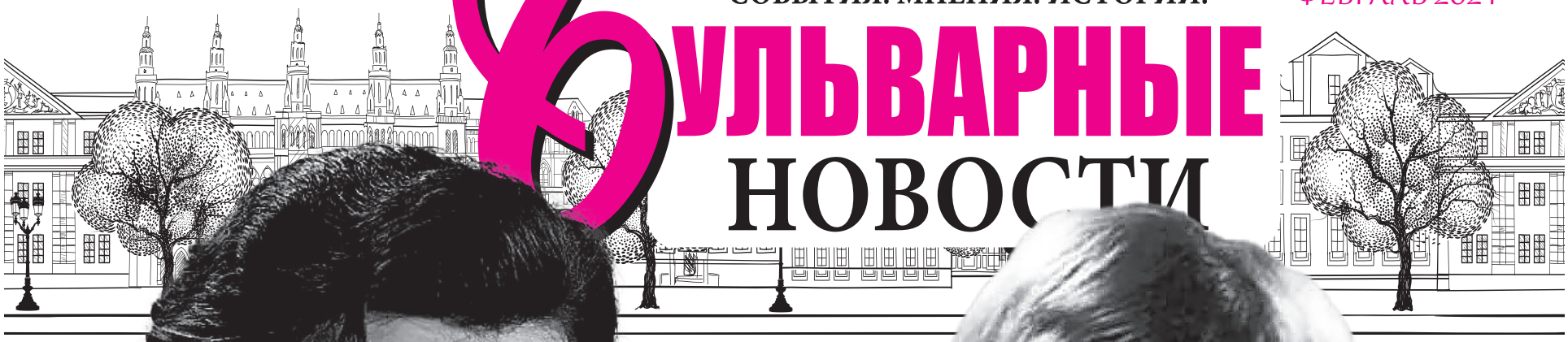
ТОВАРИЩ СУХОВ

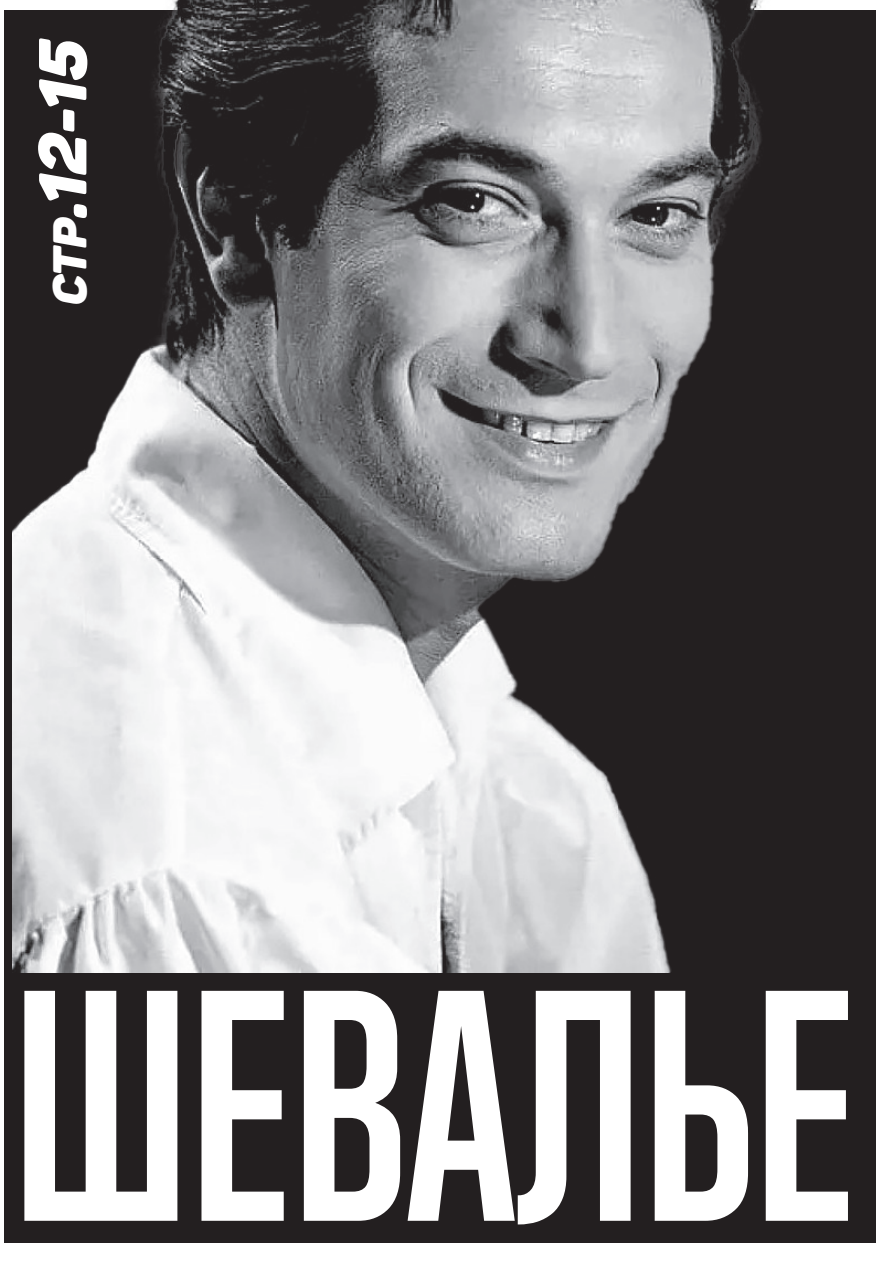
СТР.8-11

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

Бульварные новости

№9 (194)
ФЕВРАЛЬ 2024





СТР.12-15

ШЕВАЛЬЕ

СТР.4-7

ВГРЫЗАТЬСЯ В ЖИЗНЬ

ВГРЫЗАТЬСЯ В ЖИЗНЬ

Геннадий Норд

Многие уверены в том, что одну из самых знаменитых своих песен «Она была в Париже» Владимир Высоцкий посвятил Марине Влади. Однако у строк «Но что ей до меня - она была в Париже, и сам Марсель Марсо ей что-то говорил» был совсем другой адресат. Дело в том, что Марина Влади не «была», а «жила» в Париже. К тому же стихи эти родились за год до знакомства с Высоцкого и Влади.

А вот известная советская актриса Лариса Лужина действительно часто бывала за границей на кинофестивалях, но, узнав о том, что эта песня - о ней, не на шутку рассердилась.

В 1960-1970-х годах прошлого столетия Лариса Лужина была одной из самых востребованных и популярных советских актрис и одной из первых красавиц, которых знали не только в СССР, но и за рубежом.

Ее судьба достойна того, чтобы стать отдельным сюжетом для фильма. Детство Ларисы Лужиной прошло в блокадном Ленинграде. Тогда она потеряла старшую сестру, отца и бабушку, а сама чудом осталась жива. После войны она с матерью переехала к родственникам в Таллинн, где они ютились в 6-метровой комнатке. Первое время ей приходилось спать на стульях - там даже не было кровати. Семья жила очень бедно, и позже актриса признавалась, что главным ощущением ее детства был голод.

Она снималась у лучших режиссеров, но считает себя обыкновенным ремесленником. В ее биографии - четыре замужества, романы и влюбленности. Но настоящей любви, по ее искреннему признанию, не было никогда. Не сложилось, не случилось.

Во время ее рассказа почему-то не хотелось перебивать Ларису вопросами. Поэтому предлагаю вам ее монолог о жизни, профессии, «звездных» коллегах и одиночестве, которое в радость.

Из детства мне помнится Таллинн. Ленинград я не помню, хотя всю блокаду жила в Ленинграде. Когда она началась, мне было два с половиной года, а старшей сестре Люсе - шесть лет. Мама работала на заводе «Красный треугольник». Папы не стало в 1942 году. Мама всегда говорила, что нужно бежать в бомбоубежище, когда начинается воздушная тревога. Думаю, что Люся боялась бомбоубежища, она меня хватала, и мы заползали под кровать. Помню, что мама нас оттуда всегда вытаскивала, когда приходила с работы. Вот это единственное, что мне запало в память. А так, честно говоря, я блокаду не помню совершенно. Только знаю из рассказов мамы, как она папе оставляла кусочек хлеба, а он оставлял мне. Он от истощения умер, а я выжила. Умерла и сестренка.

А вот таллиннскую квартиру помню очень хорошо, она была в большом доме, сейчас этот дом стоит на улице Каупмехе. Там стояли деревянные дома, а наш дом был один каменный. Он казался очень высоким. Я помню хорошо, как мы после войны приехали в Таллинн, на вокзале нас никто не встречал. Мы с мамой сели на лошадку и поехали по адресу, который был у нее записан. Нас встретил мамин дядя, он работал прокурором Таллинна и жил в большой четырехкомнатной квартире, где приютил и нас. Он был истовый большевик, почитал Сталина. В молодости брал Зимний дворец. В семье говорили по-эстонски, но само собой получилось так, что русский язык стал родным. Хотя иногда во сне до сих пор говорю на эстонском. Когда бываю в Эстонии, почти всё понимаю, но говорить уже не могу. Язык ушел...

Я не была послушной. Плохо училась. Я даже два года в одном классе сидела. Мама об этом узнала только тогда, когда меня снова вернули из 3-го класса во 2-й. Ну, как-то ей было не до меня. Жизнь такая была.

И, конечно, я росла уличной девчонкой. Любимая игра у нас была «казаки-разбойники». Мы бегали по всей улице, прятались в каких-то домах. В Вышгороде, так называемом Старом городе, мы часто искали клады. У меня до сих пор дома есть сахарница, на ней написано 1875 год, это я там нашла.

У дяди в войну умерла дочка, и они взяли из детского дома мальчика. Он остался в Таллинне, дядя его воспитывал. По субботам он его всегда лупил ремнем, это была

С Вячеславом Тихоновым в фильме «На семи ветрах».

В фильме «Вертикаль»

С Владимиром Высоцким

С Владимиром Высоцким в фильме «Вертикаль»

Съемочная группа фильма «Вертикаль»

Окончание на с.6

Окончание. Начало на с.5

профилактика, потому что парень был очень хулиганистый. Мы с ним всё время дрались. Были как кошка с собакой. Иногда он меня просил

- Ларка, принеси мне что-нибудь поесть.

Я брала булочку, выковыривала мякиш, а туда набивала горчицу и давала ему. Дети жестокий народ, да.

Почему меня взяли в манекенщицы? Думаю, из-за роста. Метр семьдесят два сантиметра - для девушки того времени это было редкостью. Я была худенькая. Меня взяли на демонстрацию подростковой одежды. Спустя время мне уже давали вечерние туалеты, на меня шили. Это было большое счастье. Потому что у меня не было никакой хорошей одежды. Единственное платье появилось в 10-м классе. На него я сама заработала на летних каникулах - работала уборщицей в локомотивном депо.

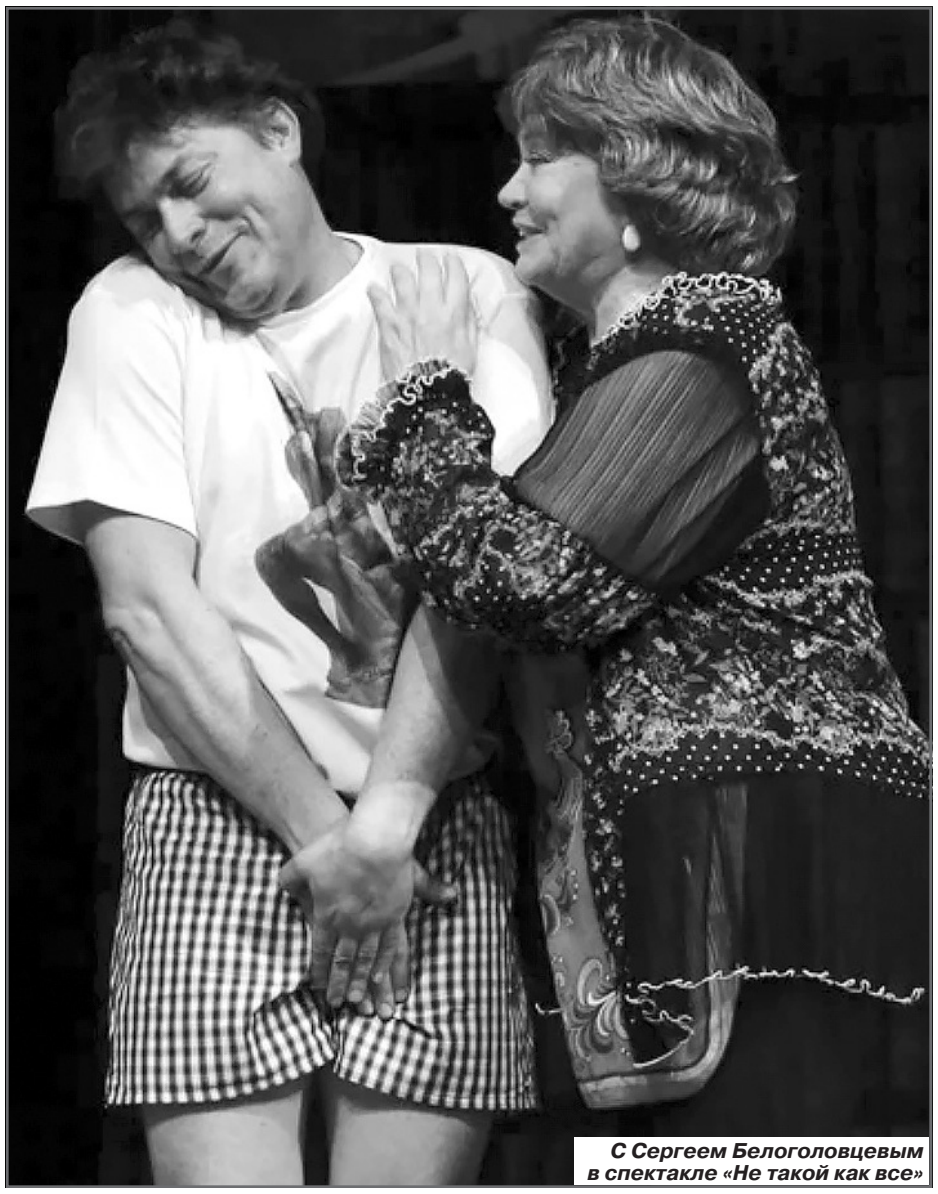
Труд манекенщицы нелегкий, порой целые дни уходили на изнурительные примерки. Но показ моделей для меня был праздник, потому что я всегда думала: подиум - это как театральная сцена. И для меня это был спектакль. Я превращалась из Золушки в принцессу: надевала нарядные вечерние туалеты, красивые туфли. Макияж. Нам делали прически. Фотографировали. И я всё время улыбалась. Меня называли «улыбчивая манекенщица», потому что я не могла не улыбаться. А улыбаться было нельзя, надо ходить как манекен, отрешенно. А я улыбчивая от природы.

Мы из Таллинна ездили в Ленинград, а там на показы одежды приходило много финнов. И почему-то только нам с моей подругой дарили цветы. И, конечно, для меня это было как театр. Поэтому Таллинн всегда остался в жизни теплым и ярким воспоминанием.

Еще я первый раз поцеловалась в Таллинне и помню до сих пор вкус этого поцелуя. У нас в школе был мальчишка по фамилии Собченко, такой школьный Казанова. И вот однажды он меня провожал до дому и в подъезде поцеловал. Таким вкусным поцелуем. Боже, сколько лет прошло, а помню!

Недалеко от нашего дома располагалось известное Александро-Невское кладбище. Старое, с красивыми памятниками. Оно до сих пор есть. Как-то мы решили поухаживать за заброшенными могилами. Помню, что я ухаживала за могилкой Игоря Северянина. Только спустя годы я узнала, что это известный поэт.

Мне всегда нравился театр, театральный кружок был самым любимым. Меня заметила эстонский режиссер Лейда Лайус, привела в студию и дала сыграть эпизод в фильме «Незваные гости». Лейда узнала, что у знаменитого режиссера Сергея Аполлинариевича Герасимова в мастерской не



С Сергеем Белоголовцевым в спектакле «Не такой как все»

хватает девочки-студентки. Он кого-то исключил в самом начале учебы.

Лейда прошла всю войну, она еще с военного времени знала Герасимова, они симпатизировали друг другу. Она попросила его меня посмотреть. А в это время меня пригласили на пробы картины «Мир входящему», там нужна была немка, а иностранных персонажей всегда искали в Прибалтике.

Я жила в московской гостинице «Украина», в этом же здании была квартира, в которой Сергей Герасимов жил с Тамарой Макаровой. Лейда всё устроила. Мы вечером пришли к ним домой. Я во все глаза смотрела на Тамару Федоровну, фильм «Хозяйка Медной горы» я знала наизусть. У нее там главная роль. Я ее просто пожирала глазами.

- Какая ты рослая, - первое, что мне сказал Герасимов.

- Это каблуки, - стеснительно ответила я.

Он меня попросил что-то почитать, а я волновалась ужасно. Говорю:

- Можно, прочитаю стихотворение «Ландыши продают»?

А тогда был популярный хит «Ландыши, ландыши...».

Он ненавидел эту песню. Спросил:

- Неужели эту пошлятину?

Я ответила, что нет. Прочитала.

Чувствую, что не очень. Лейда сидит, нервничает, у нее красные пятна по лицу пошли. Думаю, ну, всё, провалилась.

Он говорит:

- Что еще почитаешь?

Я стала читать монолог Ларисы из картины «Бесприданница». Неожиданно стала плакать, не из-за того, что мне было жалко героиню. Мне себя стало жалко, думала, всё, проваливаюсь.

Он послушал:

- Ладно, хватит. Беру.

Учиться у Герасимова было очень интересно, он рассказывал так, что мы теряли дар речи. Но записывать за ним было невозможно. Удивительно, рассказывал так, что дышать забывали. Но связно записать сказанное просто нереально!

Честно скажу, я не считаю себя талантливой актрисой. Я всё про себя знаю... Я - хороший ремесленник. Не более. Ну, не поцеловал меня Бог в макушку так, как поцеловал Инну Чурикову или Марину Неелову, например. Я умею говорить внятно, расслабляться, двигаться правильно. Но это всё техника, которой меня научили. Поэтому у меня нет высоких картин. Понимаешь, можно зайца научить на барабане играть, но он барабанщиком не будет никогда.

Возьмем картину «На семи ветрах». Там я себя сыграла, в той работе ничего особо актерского нет. Все больше делали вокруг меня, создавали образ Светланы. Понимаешь, эпизоды, которые сыграны прекрасными актерами, они поднимали мою главную героиню, и к концу фильма она стала символом женской верности.

Я по молодости этого не понимала, а потом стала понимать, потому что почувствовала, что не складывается у меня творческая жизнь. Ну, не складывается. То, чего бы мне хотелось, не идет мне в руки. Мимо меня всё проходит. И режиссеры как-то мимо меня. Хотя со многими в дружеских отношениях, но почему-то не приглашают. Значит, они во мне не чувствуют этого дара.

Я со стороны на себя смотрю и всё прекрасно про себя понимаю. Поэтому я немножко с иронией отношусь ко всему. И к своей собственной профессии, и к себе отношусь с иронией. Я самая обыкновенная артистка и никакая не звезда.

Кто для меня первая тройка отечественных актрис? Скажу не задумываясь: Инна Чурикова, Марина Неелова и Людмила Чурсина.

Про Мордюкову. Это отдельное природное явление. Нонна - это сверху поцелуй Бога, а снизу силы Земли. Там была такая глыба, которая не помещалась ни на один пьедестал. И в этом, к слову, была ее трагедия.

Нонна Викторовна до конца своих дней переживала, что не сыграла Аксинью в «Тихом Доне». Она была бы совершенно другая Аксинья. Быстрицкая, бесспорно, хороша. Хорошая, рафинированная, слишком красивая. А у Нонны столько было бы внутри нужного, того, что есть, например, в Люсе Хитяевой, что было в Зине Кириенко. Мордюкову Герасимов называл «моя степная кобылица». А Элина Быстрицкая не была «степной кобылицей». Вот и вся разница!

Был ли Владимир Высоцкий гением?

Для меня да. Он для меня как небожитель. Возьми его «Охоту на волков». Какая

С Геннадием Нордом, Владимиром Михайловым и Александром Цурканом. Концерт памяти Высоцкого

же это сильная вещь! Какая она драматичная и глубокая. За всем этим целая история. И у него почти каждая песня такая. Даже та, которую он посвятил мне: «Куда мне до нее, она была в Париже». Там есть ирония, есть уязвленный мужик. Но всё равно ты представляешь этого рабочего парня, который влюбился.

Я считаю, что Володя был богатым внутри и, конечно, очень плодовитым. Потому что за 25 лет написать почти тысячу песен и стихов. Написать сценарий, написать книгу... А столько сыграть! Хотя я, например, не очень принимаю его как киноактера. Мне кажется, что он сильнее как певец, бард. Как поэт. На сцене он сильнее, чем на экране.

Когда я первый раз услышала песню «Она была в Париже», то в первую минуту обиделась. Там есть такие строчки: «Да, я попал впросак, да, я попал в беду! Кто раньше с нею был и тот, кто будет после - пусть пробуют они, я лучше пережду». Мне стало обидно, что у меня, столько мужиков, что ли? За кого ты меня считаешь? Я с ним долго не разговаривала. У меня никогда не было романа с Высоцким. Никогда!

Я была влюблена в Сашу Фадеева, сына мхатовской актрисы Ангелины Степановой и писателя Фадеева. Он был красавец писаный. Но жуткий алкоголик, такой настоящий бытовой пьяница. Беспробудный. Так и загубил свою жизнь.

Высоцкий тоже пил, но это была иная история. Более больная, что ли. Более генетически сложная. Говорят, вот Высоцкий поймал «звезду» и не выдержал славы. Неправда! Он любил ухаживать за женщинами, он был любвеобильный, он в музах находил энергию для творчества. «Звезды» никакой в нем не было. Был обыкновенный земной мужик. Правда, гениальный. Со страстями.

У меня, если честно, никогда не было любви! Было четыре мужа, были влюбленности. А чувства такого настоящего - не было. Всё было около любви. Я считаю себя обкраденной и обделенной. Потому что не испытала такой любви, которая описана в литературе, о которой пишут классики. Влюбленность, замужество, три-четыре года надышаться, наговориться не могу. Шампанское в постель, ночные разговоры до утра. Потом скучно и неинтересно. Смотрим в разные стороны.

Я преклоняюсь перед сегодняшними актрисами, которые много работают и имеют детей.

Сегодня больше возможностей, больше зарабатывают, есть профессиональные няньки. В наше время ничего этого не было. Мы были опаленные войной, это тоже сказывалось. Страшно было в этот мир детей пускать. Поэтому благодарна Богу, что хоть одного родила. Родила вопреки.

У меня первая беременность была неудачная, потом со мной, молодой и красивой, случился инсульт. Как выяснилось, у меня две аневризмы в головном мозге. Одна лопнула - инсульт. Еле выжила. Со второй дожила, слава Богу, до сегодняшнего дня. И сын мой Пашка вырос в хорошего мужика, заботливый, подарил мне троих внуков. Разве это не счастье?

Я с ними не живу, но я знаю, что они есть. Мне сын звонит по два раза в день. Я понимаю, что мне с каждым годом всё сложнее, я все-таки одна живу, мне уже трудно. Начинаю бояться, а вдруг что-то случится, и некому будет помочь?

А с другой стороны, я приезжаю домой, и очень счастлива находиться в одиночестве.

Мне уже много лет и уже тяжеловато, но я всё равно езжу на гастроли и фестивали, потому что это меня держит на плаву. Когда вокруг молодежь, я себя по-другому чувствую, становлюсь вместе с ними моложе.

Трудно ли принимать возраст? Честно скажу, нелегко. Встаешь утром, смотришь на себя в зеркало, конечно, становится грустно. Думаешь, боже мой... У актеров же есть возможность увидеть себя на экранах. Я смотрю «На семи ветрах» и думаю: боже мой, какая я была интересная. А когда смотрю на фотографии, где я на подиуме - больно становится. Но это закон природы, и с ним ничего не поделаешь. Всех ждет одно и то же. И исключения здесь нет.

О смерти думаю каждый день. Она не пугает, это неизбежность. Понимаешь, что жизни осталось немного. И в нее надо вгрызаться, пить ее до донышка, до последнего глотка. Больше такой возможности не будет. Единственное, о чем молю Бога - не стать калекой, инвалидом, не мучиться, никому не быть в тягость. Как бы тебя близкие ни любили, как бы они к тебе ни относились, всё равно наступает момент, когда больной человек раздражает.

С Геннадием Нордом

В 2017 году мне сделали на сердце тяжелую полостную операцию. У меня был тромб в предсердии. Врачи меня спасли в прямом смысле этого слова. Хирург, который оперировал, говорит мне:

- Ты не волнуйся, проживешь до 96 лет, я там всё видел... Успокаивает, конечно. Но так хочется ему верить!

Честно говоря, я начала верить в Бога. И жить стало легче. В церковь я хожу нечасто, но иногда меня просто ведут туда ноги. Бывает, чувствуешь, что сейчас надо пойти в храм. Чего хочется еще от жизни? Уже ничего не хочется. Богатств у меня никогда не было и не будет. Главное - я не нуждаюсь! У меня есть спектакли, поездки, выступления.

Я хочу только, чтобы мой Пашка был здоров! Чтобы я дольше могла выходить на сцену, как можно дольше. Чтобы у меня не было деменции, которой сейчас всех пугают. Хочу еще помнить тексты, события и лица. Чтобы коленки гнулись и ноги ходили. Улыбаешься? Доживешь до моих лет - вспомнишь мои слова.

Мне много вопросов задают про фильм «Вертикаль». Станислав Говорухин пригласил меня на съемки этого фильма.

Об этих съемках у меня остались противоречивые впечатления. С одной стороны, я была счастлива работать в таком коллективе, с другой - тяжело переносила условия, в которых мы находились в течение пяти месяцев.

Съемки проходили высоко в горах Приэльбрусья, группа жила в палатках на леднике, где было очень холодно. Но, если честно, я никогда в жизни не видела ничего красивее того пейзажа.

К тому же атмосфера на съемках была неповторимой. Вся съёмочная группа «Вертикали» - молодёжь, все влюблены в горы, счастливы. Благодаря фильму мы все узнали, как это - идти на преодоление, покорять вершину. Романтика настоящая. Мы не видели, как Володя пишет, но через какое-то время он уже представлял нам готовую песню. Высоцкий постоянно нам пел, уговаривать его не надо было. Володя мне интересен был просто как человек. Благодаря участию Высоцкого фильм «Вертикаль» стал культовым, и принес мне невероятную популярность.

На момент съемок я была замужем за кинооператором Алексеем Чардыниным, который дружил с Высоцким. С моим мужем они познакомились еще будучи студентами. Как-то Высоцкий приехал к ребятам в общежитие ВГИКа. Что-то у них с Лешей произошло, и они подрались. Не то чтобы сильно, но отношения в туалете выясняли. После этого вышли, обнявшись, и стали друзьями на всю жизнь. У них была своя компания - Володарский, Высоцкий и Чардынин.

Дружеские отношения у меня с ним сложились уже на съемках «Вертикали». Высоцкий после этой картины часто приходил к нам в гости. Но как только познакомился с Мариной Влади, наши пути разошлись. Отдаление произошло еще и потому, что я разошлась с Лешей. Высоцкий был преданным другом. Он продолжил дружить с Чардыниным, а я как бы в стороне оказалась.

Однажды я рассказала Высоцкому о том, как во время поездки в Париж мне захотелось погулять по городу, но нашей делегации запрещали по вечерам выходить из гостиницы, поэтому я ходила по соседней улице взад-вперед. Можно сказать, что я произвела настоящий фурор - мужчины, глядя на меня, просто головы сворачивали. Когда, вернувшись в гостиницу, я похвасталась своим успехом, все расхохотались:

- Ты ходила по Сен-Дени - знаменитой улице проституток, неудивительно, что тебя принимали за одну из этих девиц!

Высоцкий долго смеялся, а позже признался в том, что посвятил мне песню. Когда я ее впервые услышала, была возмущена. Мне поначалу показалось, что адресат этих стихов - слишком легкомысленная барышня. И поэтому я долгое время не признавалась в том, что строки были адресованы именно мне.

Этот секрет раскрыл в одном из интервью Станислав Говорухин, и меня засыпали вопросами о романе с Высоцком, которого на самом деле не было.

Я играла в «Вертикали» спортивного врача. По сценарию от меня не требовалось забираться на вершину Чегета. Но мы были молодые, бесшабашные, и казалось, что раз уж попали в горы, надо всё испробовать. Ну, и пошли на восхождение. По сюжету четверо героев идут в связке на вершину. Снимали это с вертолета.

В горах спортивная страховка, не такая, как в цирке. На вершину идут по двое в связке, чтобы в случае, если один сорвется, другой мог его удержать.

Эта картина до сих пор популярна благодаря Высоцкому и его песням. Говорухин работал на Одесской киностудии, и там оказался этот сценарий. Его надо было срочно использовать, план студия должна выполнять. А Станиславу Сергеевичу нужно было снимать дипломную работу, вот он и взялся. Кроме того, он имел второй разряд по альпинизму. И для съемок привлек друзей, известных в СССР альпинистов. Они помогали нам в горах. А в самых опасных местах дублировали актеров. Например, перепрыгивали через трещины. Без подготовки такой трюк сделать невозможно. Да и сам Говорухин иногда выступал в качестве дублера.

В «Вертикали» мне, как актрисе, нечего было делать. Главным там были песни Высоцкого, а мы все были иллюстрациями к этим песням. Поэтому мой главный фильм - «На семи ветрах».

Я всю жизнь помню совет моего педагога. Сергей Аполлинариевич Герасимов всегда говорил:

- Не забивайте свои головы, а развивайте их.

Вот и стараюсь, несмотря на возраст, сохранять активность, стараюсь не унывать, интересоваться чем-то новым.

Нельзя сказать, что у меня был каждый день праздник. Но я стараюсь, держусь.